Н. П. ЛИХАЧЕВЪ

ЗЕМСКАЯ ПЕЧАТЬ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Съ 2 табл. и 5 рис. въ текстѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1914.

Глубокоуважаемому
Феодору Александровичу
Виноградову
на память
от его старого
профессора
Н. Лихачев

Н. П. ЛИХАЧЕВЪ

ЗЕМСКАЯ ПЕЧАТЬ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ
СМУТНОЕ ВРЕМЯ

12 Сент. 1917 г.

Съ 2 табл. и 5 рис. въ текстѣ.

МОСКВА, 1914.

Оттискъ изъ III тома „Нумизматическаго Сборника“, изд. Московскимъ Нумизматическимъ Обществомъ.

Московская Синодальная Типографія. 1914 г.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	2007
			2			К	72/99	

1335-04

ЗЕМСКАЯ ПЕЧАТЬ

Московскаго Государства въ Смутное время.

Нельзя сказать, чтобы сфрагистика до-Петровской Руси, обильная памятниками разнообразнаго характера и весьма различной исторической и научной цѣнности, изобиловала также и документальными свидѣтельствами объ ихъ происхожденіи.

Свѣдѣнія даже о великокняжескихъ, царскихъ и разнаго рода правительственныхъ печатяхъ по учрежденіямъ въ лѣтописяхъ и актахъ скудны и отрывочны. Иногда точныя и интересныя данныя находятся въ документахъ такихъ архивовъ, что извлеченіе показаній становится случайной находкой. Изъ архива Туринскаго острога въ спискѣ дошла до насъ царская грамота 1625 года объ изготовленіи *новой* печати.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи въ Сибирь въ Туринскій острогъ воеводѣ нашему Ивану Ивановичу *Баклановскому*"—сообщалось[1]), что „по нашему указу сдѣлана наша печать новая, больше прежнія, для того, что на прежней печати наше Государское титло описано было несполна; а нынѣ передъ прежнею печатью прибавлено на печати въ подписи, въ нашемъ Государскомъ именованьи: *Самодержецъ*; а что у прежней нашей печати были промежъ главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новыя нашія печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла коруна."

Въ грамотѣ отмѣчено точно и назначеніе печати: „и указали есмя тою нашею новою печатью, о нашихъ о всякихъ дѣлѣхъ и челобитчиковъ и во всякихъ управныхъ дѣлѣхъ грамоты и наказы и подорожныя, печатать Марта съ 25 числа нынѣшняго 133 года. А *прежнею* нашею печатью Марта съ 25 числа печатать есмя не велѣли...". По точному смыслу текста можно было бы думать, что на государевой печати до 1625 года не было именованья—*Самодержецъ*, на самомъ дѣлѣ вопросъ идетъ лишь объ одномъ типѣ печати намъ хорошо извѣстномъ—прикладной, то есть односторонней, черновосковой печати. Случаи ея употребленія показаны въ вышеприведенномъ текстѣ грамоты 1625 года.

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. III, № 70.

Почти точно въ серединѣ XVI столѣтія установились для обычнаго внутренняго употребленія два вида царскихъ печатей:

1) Для дѣлъ приказныхъ—черновосковая прикладная съ двуглавымъ орломъ.

2) Для грамотъ жалованныхъ—красновосковая, привѣсная, того типа, что былъ введенъ въ концѣ 1480-хъ годовъ великимъ княземъ Иваномъ III, какъ новая государственная печать.

Черновосковыя печати эпохи царя Михаила Ѳеодоровича изобилуютъ на сохранившихся актахъ, но прикладывались онѣ на такихъ небольшихъ кускахъ воска, что чрезвычайно рѣдко выходили полностью. Кромѣ того—прикладная печать лишь постепенно получила круговую надпись.

Красновосковая печать жалованныхъ грамотъ обычно называлась „кормленой“—со временъ Ивана IV она служила отличительнымъ признакомъ грамотъ жалованныхъ на кормленія, вотчины, помѣстья. Въ записи Печатнаго приказа помѣчено, что грамота, выданная Кузьмѣ Минину и сыну его Нефеду 20 Января 1615 года на вотчину село Богородское „за Московское очищеніе,“ была 23 Февраля запечатана *кормленою* красною печатью[1]). Съ одной стороны кормленая печать (за рѣдчайшимъ исключеніемъ при Иванѣ IV) имѣла изображеніе Московскаго ѣздеца, съ другой двуглаваго орла. Круговая надпись начиналась съ первой стороны и, продолжаясь на второй, давала сокращенно государскія титла.

Установившійся порядокъ былъ нарушенъ на очень непродолжительное время и по неволѣ[2]).

Когда первое ополченіе въ 1611 году подошло къ Москвѣ и объявило себя земскимъ правительствомъ впредь до избранія законнаго государя „всею землею,“ естественно возникла необходимость въ органахъ управленія и мѣрахъ удостовѣренія подлинности исходящихъ документовъ.

---

[1]) *И. Е. Забѣлинъ:* „Мининъ и Пожарскій“ (4 изд. М. 1901. 8⁰), см. прим. 25.

[2]) Даже *Лжедимитрій II* употреблялъ обычную красновосковую печать, нарочно для него вырѣзанную. Оборотная сторона этой печати сохранилась (приложена подъ бумажкой) на грамотахъ въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. См. С. Г. Г. и Д., т. II, № 179. Въ архивѣ князей *Юсуповыхъ* хранится рѣдчайшій образецъ—подлинникъ жалованной грамоты второго самозванца Иль-Мурзѣ Юсупову, дѣтямъ его и племянникамъ на Романовское имѣніе—(см. „ О родѣ князей Юсуповыхъ“, Спб. 1867. 8⁰, ч. II, стр. 120—122). „Дана сія жалованная грамота на нашемъ стану, подъ Москвою, въ Коломенскомъ. Лѣта 7118 (1610) Августа въ 22 день“. Подпись „Dmitr Car.“ По описанію издателя: „къ подлинной грамотѣ, на красномъ шелковомъ шнурѣ, привѣшена красная восковая печать, съ изображеніемъ всадника, поражающаго дракона, и съ надписью вокругъ: Царь и Великій князь Дмитрей Івановичь Божіею милостію всеа Русіи Господарь.“ Далѣе указано, что отъ печати сохранилась только половина. Очень желательно было бы, чтобы документъ этотъ и печать были воспроизведены фототипіей.

Вопросъ о печати являлся крайне существеннымъ. Даже систематическое прикладываніе рукъ не могло бы замѣнить печати[1]). Первые мѣсяцы существованія новаго правительства, періодъ его образованія, были временемъ фактическаго преобладанія Прокопія Ляпунова. Неудивительно поэтому, что рядъ документовъ и не только отписокъ, но и актовъ характера пожалованія всей землею закрѣпляется личной печатью Ляпунова.

4 Марта 1611 года формула была такая: „Лѣта 7119-го году Марта въ 4 день великія рос(сійс)кія державы Московскаго государства бояре и думной дворянинъ и воевода Прокоѳей Петровичь Ляпуновъ, *по совѣту всеа земли*, дали въ помѣстье Остафью да Михайлѣ Крюковымъ да Семену Зыбину старое ихъ помѣстье...". Текстъ грамоты оканчивается указаніемъ на печать: „Къ сей [в]возной грамотѣ думной дворянинъ и воевода Прокоѳей Петровичь Ляпуновъ и *печать свою* приложилъ" [2]). Въ Іюнѣ 1611 года отказная грамота на помѣстье начинается такъ: „Великіе роси[й]скіе державы Московскаго государства отъ бояръ и воеводъ отъ князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкого да отъ Ивана М[арты]новича Заруцкого да отъ думного дворянина и воеводы отъ Прокоѳья Петровича Ляпунова въ Кашинъ губному старостѣ Степану Екимову. Билъ намъ челомъ...". Заключительная формула отмѣчаетъ существованіе Приказовъ „въ полкахъ" и приложеніе печати Ляпуновымъ: „А отказныя книги за своею рукою прислалъ бы еси къ намъ въ полки въ Помѣсной приказъ. Къ сей грамотѣ думной дворянинъ и воевода Прокоѳей Петровичь Ляпуновъ *печать свою* приложилъ лѣта 7119-го Іюня въ [...[3])] день" [4]).

---

[1]) Посольство къ новоизбранному царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову съ дороги писало 17 Марта 1613 года въ Москву: „...и вамъ бы, господа, государеву печать и боярскій списокъ прислати; а у насъ, господа, за государевою печатью многіе государевы грамоты стали" (Дв. Разр., I, 1050). На оборотѣ положена резолюція: „послать печать и сдѣлать сорочка и тоганъ." Рѣдкій случай поддѣлки государевой печати указанъ въ челобитной *В. Ѳ. Михалкова*—1627(?) года [см. „Старина и Новизна", кн. XVII (М. 1914. 8⁰), стр. 27—30]. „...а въ которомъ году Богданъ *Михалковъ* сдѣлалъ печать и кому онъ тою печатью печаталъ грамоты, и Богданъ въ томъ пытанъ, и про то его воровство сыскано... а какову печать воровскую Богданъ сдѣлалъ, и та его воровская печать съ Вашею Государевою печатью *не сошлась*...". Челобитчикъ проситъ сравнить печать, находящуюся при его грамотѣ съ „своею Государевою печатью *старою*, которою Вашею Государевою печатью *въ тѣхъ годѣхъ* печатаны Ваши Государевы грамоты...".

[2]) *А. И. Юшковъ*: „Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій" (М. 1898. 8⁰), см. № 298.

[3]) Число въ рукописи стерлось и издатель только предположительно прочёлъ „20".

[4]) „Акты, представленные въ Разрядъ" (изд. *А. И. Юшкова*), № 299.

Тоже самое указаніе на печать Ляпунова находится и въ ввозной грамотѣ отъ 1 Іюня 1611 года[1]).

Только въ Іюнѣ 1611 года появилась особая печать всей земли— „печать земская."

Исторія „земской" печати намъ извѣстна съ самаго ея учрежденія. Въ приговорѣ отъ 30 Іюня 1611 года совершенно точно сказано: „а печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроити земскую, и о большихъ о земскихъ дѣлахъ у грамотъ быти рукѣ боярской" [2]). Въ лучшемъ изданіи текста приговора, сдѣланномъ И. Е. Забѣлинымъ, постановленіе о печати занесено въ § 20, но дѣленіе на параграфы произведено издателемъ и въ спискахъ его нѣтъ[3]).

Устроенію печати предшествовало постепенное образованіе „Приказовъ" въ „полкахъ" по образцу московскаго строя въ обычное время. Въ „полкахъ" была цѣлая сѣть приказовъ[4]), примѣняясь и замѣняя всю систему учрежденій Московскаго государства. Опредѣленны и особенно подробны свѣдѣнія о Помѣстномъ приказѣ[5]).

---

1) Акты, представленные въ Разрядъ (изд. *А. И. Юшковымъ*), № 300.

2) Текстъ приговора дошелъ до насъ въ неисправныхъ спискахъ. Подробный разборъ текста см. въ трудѣ *С. Ѳ. Платонова*: „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ" (Спб. 1899. 8°), стр. 502 и слѣд., и прим. 215.

3) „Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время" (изд. 4. М. 1901. 8°), стр. 267.

4) Сводъ свѣдѣній о Приказахъ при второмъ ополченіи за время какъ въ Ярославлѣ, такъ и подъ Москвою сдѣланъ очень полно въ весьма тщательномъ изслѣдованіи *П. Г. Любомирова*: „Очеркъ исторіи Нижегородскаго ополченія 1611—1613 годовъ", см. „Жур. Мин. Нар. Просв.", за 1914 годъ, № 3, стр. 12—14.

5) Въ Августѣ 1611 года въ Помѣстномъ приказѣ подъ Москвою сидѣли думные дьяки Ѳедоръ Дмитріевичъ *Шушеринъ* да Петръ Алексѣевичъ *Третьяковъ* да дьякъ Герасимъ *Мартемьяновъ*. Въ грамотѣ, выданной Троице-Сергіеву монастырю отъ 20 Августа, сказано: „....да тѣ книги... прислалъ къ намъ въ полки и велѣлъ отдати въ Помѣстномъ приказѣ думнымъ дьякомъ Ѳедору Дмитріевичу *Шушерину* да Петру Олексѣевичу *Третьякову* да дьяку Герасиму *Мартемьянову*..." (А. А. Э., II, № 192, стр. 241).

Въ Октябрѣ 1612 года, когда князь *Пожарскій* вступилъ въ единачество съ княземъ *Трубецкимъ* и остатками перваго ополченія, составъ Помѣстнаго Приказа былъ другой. Въ грамотѣ отъ 21 Октября сказано: „... да тѣ книги... прислали (бы) къ намъ подъ Москву въ полки и велѣли отдать въ Помѣстной приказъ дьякомъ Федору *Лихачеву* да Гарасиму *Мартемьянову*..." (Акты Углицкіе, изданные проф. Лилинскимъ, № 5). Герасимъ *Мартемьяновъ* изъ ополченія князя *Трубецкого* переѣхалъ въ Ярославль весною 1612 года и занялъ мѣсто въ такомъ же Помѣстномъ Приказѣ ниже дьяка *Лихачева*, который переѣхалъ во второе ополченіе прямо изъ Москвы. Это подтверждается и тѣмъ, что въ памяти, написанной отъ имени еще одного князя *Пожарскаго* и датированной 20 Сентября 1612 года, сказано относительно отвода помѣстья „по грамотѣ за приписью дьяка Ѳедора *Лихачева*" (ibidem, № 4). Судя по акту ibidem, № 2— „единачество" вождей ополченій состоялось въ исходѣ Сентября. Составъ Помѣстнаго

Приговору 30 Іюня 1611 года предшествовали Майскія соглашенія, вызвавшія къ жизни то, что приговоромъ 30 Іюня относилось какъ бы къ будущему. Такъ въ приговорѣ говорится подробно о составѣ учреждаемаго Помѣстнаго приказа, а Помѣстный приказъ „въ полкахъ" уже функціонировалъ, когда ни приговора, ни земской печати еще не было. Грамота отъ Іюня 1611 года о помѣстьѣ Андрея Бѣдова написана отъ „великіе Россійскіе державы Московскаго Государства отъ бояръ и воеводъ отъ князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкого да отъ Ивана Мартыновича Заруцкаго да отъ думного дворянина и воеводы отъ Прокофья Петровича Ляпунова," но печать къ ней приложилъ свою думный дворянинъ и воевода Ляпуновъ[1]).

Послѣ 30 Іюня въ актахъ начинаютъ встрѣчаться указанія на земскую печать, приложенную по приказанію воеводъ на документахъ, освященныхъ совѣтомъ всей земли. Прокофью Петровичу Ляпунову недолго пришлось принимать участіе въ правительствѣ перваго ополченія. 22 Іюля 1611 года Ляпуновъ былъ измѣннически убитъ.

Формула перечисленія главъ правительства измѣнилась, но все остальное въ текстѣ грамотъ осталось по прежнему.

Отмѣтимъ нѣсколько примѣровъ:

1) Ввозная грамота отъ 28 Іюля 1611 года начинается словами:

„Великія россійскія державы Московскаго государства бояре и воеводы князь Дмитрей Тимоѳеевичъ Трубецкой да Иванъ Мартыновичъ Заруцкой, по совѣту всей земли, дали ...помѣстье...".

Въ концѣ списка этой ввозной грамоты значится: „А у подлинной грамоты бояре и воеводы князь Дмитрей Тимоѳеевичъ Трубецкой да Иванъ Мартыновичъ Заруцкой велѣли *земскую печать приложить* лѣта 7119 іюля въ 28 день"[2]).

приказа въ ополченіи князя Трубецкого измѣнился еще до отъѣзда дьяка *Мартемьянова*. Въ указной грамотѣ въ Ржеву *Володимерову* „неслуживому сыну боярскому Третьяку *Шюшерину*" отъ 10 Февраля 1612 года (подлинникъ въ собраніи *Н. П. Лихачева*) предписано отказныя книги „прислать къ намъ въ полки и велѣть отдати въ Помѣсномъ приказе думному дьяку Ѳедору Дмитреевичю *Шюшерину* да дьякомъ Гарасиму *Мартемьянову* да Ивану *Шевыреву*." Подлинная грамота на трехъ склейкахъ за скрѣпою дьяка *Мартемьянова* и за справою Дружинки *Лукина*. Черновосковая земская печать сохранилась, но изображеніе почти совершенно изгладилось. Думный дьякъ Петръ Алексѣевичъ *Третьяковъ* исчезаетъ, но появляется въ осажденной Москвѣ по прежнему съ титуломъ думнаго дьяка (С. Г. Г. и Д., ч. II, №№ 276 и 277). Перезимовавъ въ Москвѣ, онъ пробрался во второе ополченье и со взятіемъ Москвы оказывается во главѣ Посольскаго Приказа дьякомъ, но безъ титула думнаго.

[1]) Акты Историческіе, т. II, № 328, стр. 395.

[2]) „Акты, представленные въ Разрядъ" (изд. *А. И. Юшкова*), № 302.

2) Ввозная грамота, выданная сыновьямъ Иль-мурзы Юсупова Суюшъ (Сеюшъ) Мурзѣ да Ибай (Бай) Мурзѣ на имѣнія въ Романовскомъ уѣздѣ 5 Сентября 1611 года заканчивается словами: „Къ сей грамотѣ бояре и воеводы князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкій, велѣли земскую печать приложить. Писана у Москвы, въ полкѣхъ, лѣта 7120 Сентября въ 5-й день." „А подписалъ думной дьякъ Петръ Алексѣевъ Третьяковъ" [1]).

3) Списокъ съ послушной грамоты, выданной Петру Ѳедоровичу Кикину 24 Ноября 1611 года, заканчивается указаніемъ:

„Къ подлинной грамотѣ бояре и воеводы князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкой велѣли земскую печать приложить лѣта 7120 ноября въ 24 день" [2]).

4) Къ послушной грамотѣ, выданной Іеву Михайловичу Запольскому 27 Января 1612 года *приложена* земская печать: „къ сей грамотѣ бояре и воеводы князь Дмитрей Тимоѳеевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкой велѣли *земскую* печать *приложить* лѣта 7120 генваря въ 27 день" [3]). Въ самомъ же текстѣ грамоты сказано: „а какъ ажъ дастъ Богъ на Московское государство государя, и то велитъ государь по книгамъ и по дачамъ на ту его вотчину *дати вотчинную жалованную грамоту за красною печатью*" [4]).

Такимъ образомъ „Россійскаго государства бояре и воеводы" признавали жалованныя грамоты съ привѣсною красновосковою печатью какъ бы принадлежностью власти государя и подобной грамоты отъ себя, хотя бы и „по совѣту всей земли," Іеву Запольскому не дали. Совершенно такую же оговорку о жалованной грамотѣ за красною печатью находимъ и въ послушной грамотѣ отъ 26 Іюля 1612 года [5]).

---

[1]) См. „О родѣ князей Юсуповыхъ" (Спб. 1867. 8°), ч. 2, стр. 125. Издатель-князь *Н. Юсуповъ*—отмѣчаетъ: „Къ сей грамотѣ приложена черная печать, съ изображеніемъ одноглаваго орла. Надпись вокругъ во многихъ мѣстахъ стерлась".

[2]) „Акты, представленные въ Разрядъ" (изд. *А. И. Юшкова*), № 305. См. также „Синбирскій Сборникъ" (М. 1844—45), документы Кикиныхъ, № 1.

[3]) Во всѣхъ актахъ всегда упоминается „земская" печать, только въ грамотѣ ввозной въ помѣстье Ермолая *Уварова* сказано: „Къ сей грамотѣ бояринъ и воевода князь Дмитрей Тимофѣевичь *Трубецкой* да стольникъ и воевода князь Дмитрей Михайловичь *Пожарской* велѣли *печать* приложить. Писана на Москвѣ лѣта 7121 ноября въ 22 день". Документъ сохранился въ спискѣ и слово „*земская*", надо думать, пропущено при перепискѣ (См. „Русская Вивліоѳика", изд. *Н. Полевого,* т. I (М. 1833. 8°), стр. 114.

[4]) „Акты, представленные въ Разрядъ" (изд. *А. И. Юшкова*), № 307.

[5]) Ibid., № 309 (грамота на Рязанскую вотчину, данная Ивану Ѳедоровичу *Кикину*). См. также „Синбирскій сборникъ", l. c., № 2.

5) 15 Іюня 1612 года „Московскаго государства бояре и воеводы князь Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкой дали Григорью Васильеву сыну Пелехову въ помѣстье 50 четей въ Переславскомъ уѣздѣ *(см. рис. 1)*.

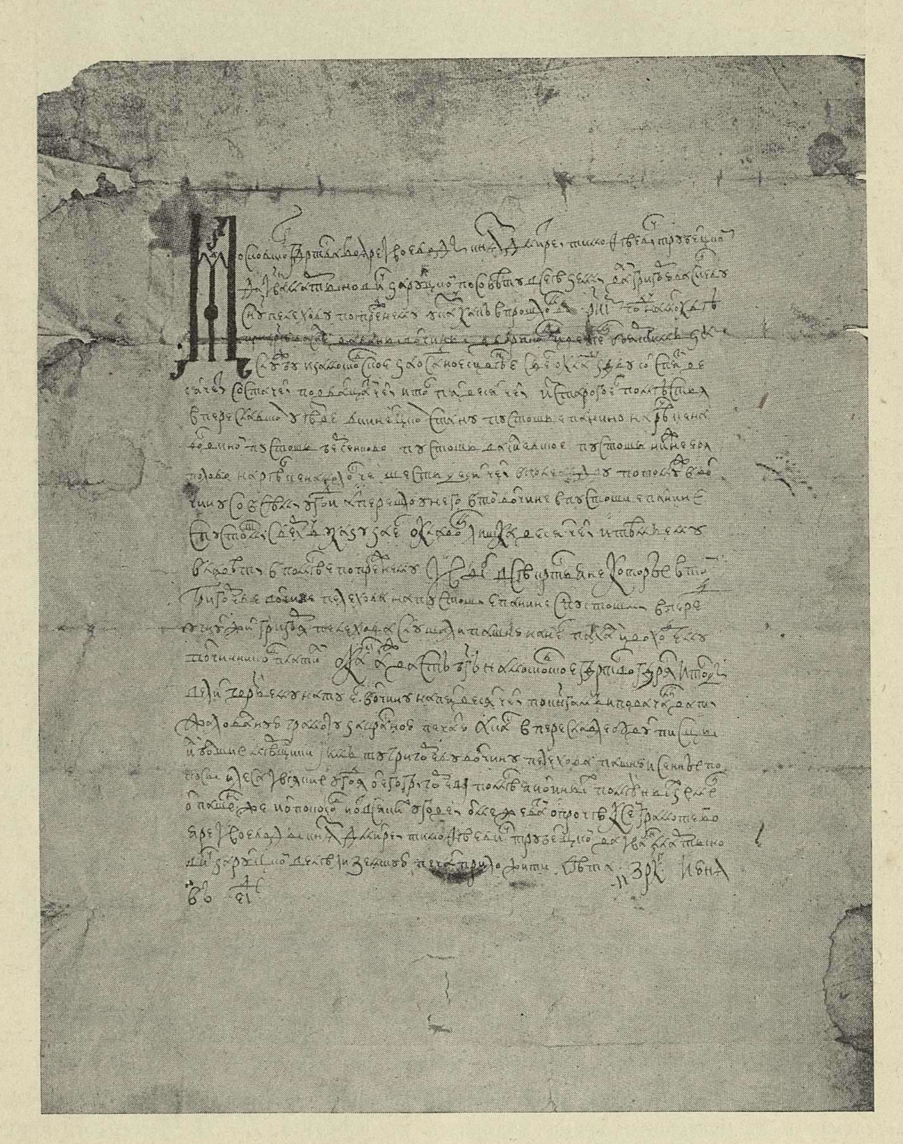

Рис. 1.

Въ текстѣ обычная оговорка о томъ, что „жалованную грамоту за красною печатью“ по избраніи царя на Московское государство велитъ дать Государь. Въ концѣ документа „къ сей грамотѣ бояре и воеводы князь

Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкой велѣли *земскую печать приложить...*" [1]).

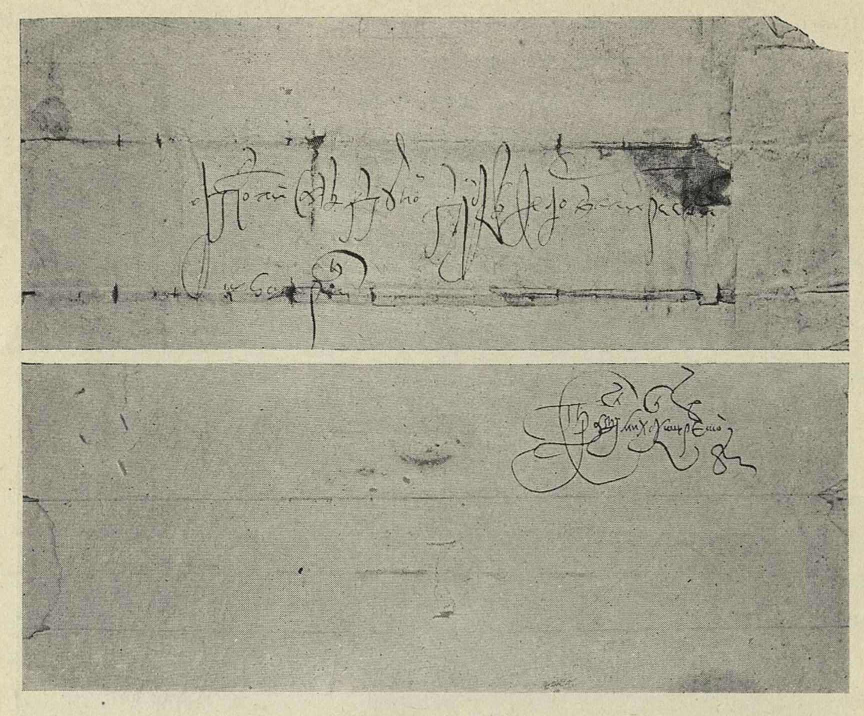

Рис. 2.

Многіе документы между-царствія дошли до насъ въ копіяхъ. На томъ, что сохранилось въ оригиналахъ, далеко невсегда уцѣлѣла печать. Сохранные экземпляры „земской печати" принадлежатъ къ числу сфрагистическихъ рѣдкостей.

Такой рѣдчайшій экземпляръ земской печати, прилагавшейся къ грамотамъ отъ воеводъ перваго ополченія имѣется на находящейся въ

---

[1]) См. А. А. Э., II, № 207, стр. 261—262. Документъ напечатанъ по списку, находящемуся въ сборникѣ актовъ Троице-Сергіева монастыря (къ которому перешли потомъ земли, помѣченныя въ грамотѣ). Подлинникъ остался среди бумагъ родичей *Пелеховыхъ* и въ настоящее время находится въ собраніи *Н. П. Лихачева.* Грамота написана на одномъ листѣ бумаги (филигрань—кувшинчикъ съ буквами R. G.), поэтому указаніе текста списка, что подпись думного (что въ спискѣ пропущено) дьяка Шушерина находится „на ставѣхъ" неправильно. „Приписъ", гласящая „а подписалъ думной діакъ Ѳедор(ъ) Дмитреевич(ь) Шюшерин(ъ)", сдѣлана на оборотѣ (затылкѣ) грамоты на томъ мѣстѣ, гдѣ *обычно стоитъ подпись на царское имя.* Очень каллиграфично написана въ нижнемъ углу справа: „справіл Михалко Царевской" (безъ указанія, имѣющагося въ спискѣ, что онъ „подьячій"). (*См. рис. 2*).

Императорской Публичной Библіотекѣ грамотѣ (окружной) о ненарушеніи тарханныхъ грамотъ, пожалованныхъ Кириллову монастырю[1]).

Актъ датированъ 20 Октября 1611 года и исходитъ отъ „великіе Россійскіе державы Московьскаго государьства отъ бояръ отъ князя Дмитрея Тимоѳѣевича Трубецкого да отъ Ивана Мартыновича Заруцкого“ и заканчивается указаніемъ „къ сей грамотѣ бояре князь Дмитрей Тимоѳѣевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкой велѣли *земскую печать приложить*“ (см. *рис. 3*).

Рис. 3.

Документъ писанъ на столбцѣ и печать приложена на отогнутомъ отрѣзкѣ склейки.

Очень хорошо сохранилась прикладная черновосковая печать перваго ополченія на грамотѣ жалованной отъ 4 Января 1612 года, находящейся въ собраніи А. В. Бородина (см. *рис. 4*).

По этой грамотѣ „Московского государства бояре и воеводы князь Дмитрей Тимоѳеевичь Трубецкой да Иванъ Мартыновичь Заруцкой (по совѣту) всей земли дали Кузмѣ Борисову сыну Смагину“ такъ, какъ давано было при царѣ Васильѣ за осадное сидѣнье по 20 четвертей со ста изъ помѣстья въ вотчину, половину селца Малышева съ оговоркой, что по избраніи государя будетъ уже имъ—государемъ—дана „вотчинная жалованная грамота за красною печатью. Къ своей же грамотѣ воеводы „велѣли земскую печать приложити.“

Какъ видно на снимкѣ (около $^1/_2$ подлинника)[2]) грамота эта по типу отличается отъ документа отъ 20 Октября 1611 года. Жалованная грамота Кузмѣ Смагину писана на листѣ, совершенно подражаетъ типу

---

[1]) Документъ напечатанъ въ „Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ,“ т. I, № 232, стр. 399—400.

[2]) Приносимъ благодарность *А. В. Бородину* за разрѣшеніе воспроизвести снимокъ. Во время печатанія настоящей статьи самъ владѣлецъ грамоты издалъ ее въ „Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“, т. XXVI, вып. I (Рязань. 1914), стр. 35—38. Считаемъ излишнимъ поэтому приводить полный текстъ этого, остававшагося неизданнымъ, документа.

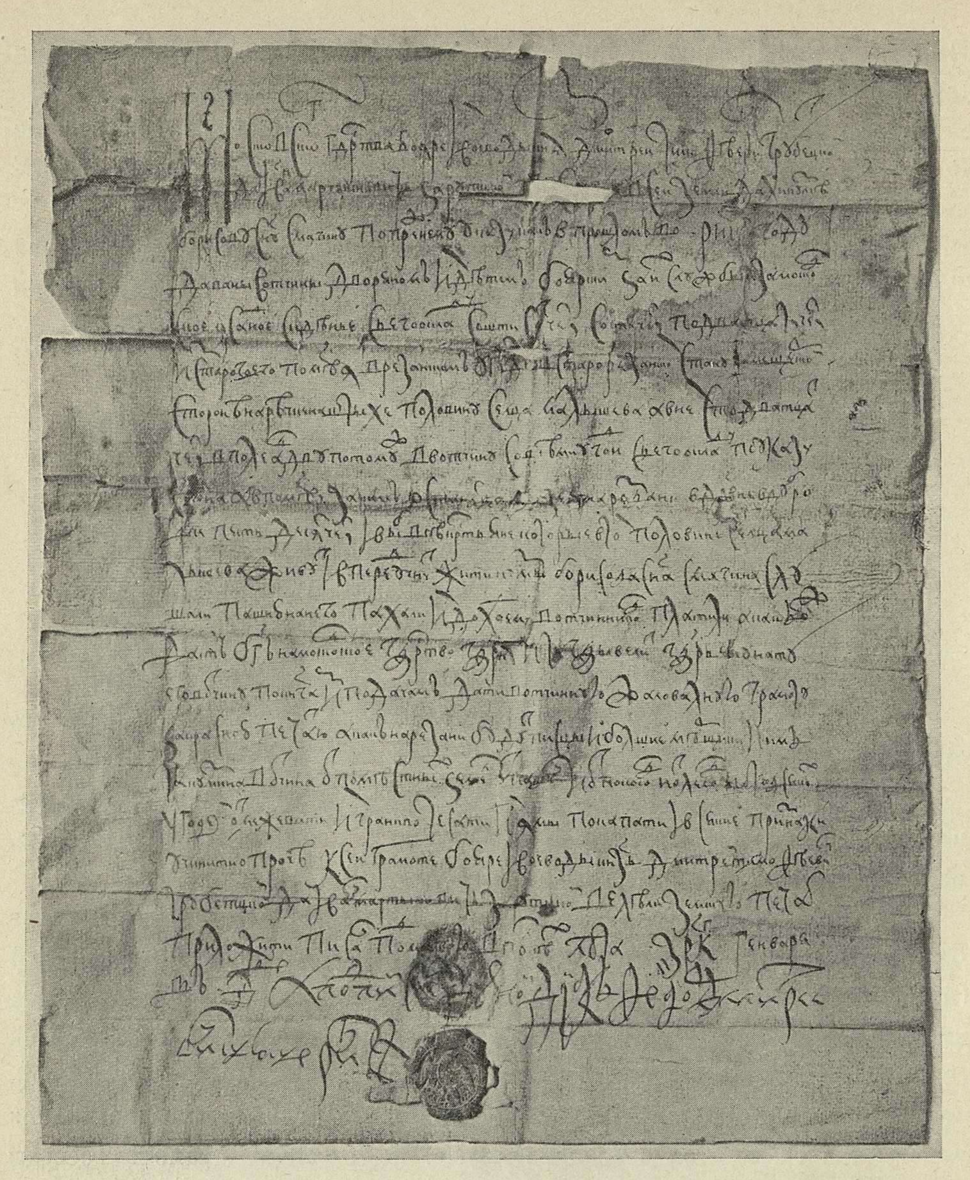

Рис. 4.

жалованныхъ грамотъ царя Василья Шуйскаго, выдававшихся за осадное сидѣніе, но отличается однимъ—печать прикладная, черновосковая, а не вислая—красная. Обычная оговорка о грамотѣ, имѣющей быть данной за красною печатью новоизбраннымъ государемъ оттѣняетъ воззрѣніе на вислую государеву печать и позволяетъ думать, что и изображеніе на „земской" печати отнюдь не случайнаго характера.

Въ центрѣ печати одноглавый орелъ съ разинутымъ широко клювомъ. Въ когтяхъ у него нѣчто извивающееся, что можно было бы объяснять змѣею, но, какъ видно по другимъ экземплярамъ, является скорѣе

вѣтвью древа, опорою для орла. По сторонамъ орла находится слово «зе-мскаѧ», являющееся продолженіемъ круговой надписи, въ которой первое слово „Великіе“ и послѣднее «печа(т)».

Одноглавый орелъ смѣнилъ двуглаваго. „Земля“ была налицо—царя не было. Не стало и второй главы, являвшейся сущностью таинственной эмблемы, принятой отъ второго Рима.

Въ 1611 году хорошо помнили типы печатей, изобрѣтенныхъ побѣдителемъ невѣрныхъ царствъ Грознымъ царемъ; всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ царь Дмитрій тщеславился, прикладывая большую отцовскую (якобы) печать.

Извѣстны были печать Московская съ всадникомъ, печати Новгорода Великаго, царства Казанскаго и др. „Совѣтъ всея земли“ взялъ гербъ всего государства—орла—и сдѣлалъ его одноглавымъ.

Одноглавый орелъ лишь временно замѣнялъ настоящаго орла. Всѣ жалованныя грамоты имѣли быть замѣнены „государевыми“ съ вислою красною печатью, на коей „орелъ двоеглавый на воску красномъ“. Таковая идеологія, кажется, была выдержана въ актахъ перваго ополченія, но забыта правительствомъ, освободившимъ Москву.

Съ самаго образованія второго ополченія князю Пожарскому пришлось разсылать множество грамотъ, требовавшихъ обычной сфрагистической аутентикаціи. Мы имѣемъ грамоты изъ Ярославля, напримѣръ, отъ 8 Апрѣля 1612 года съ точнымъ указаніемъ: „къ сей грамотѣ столникъ и воевода князь Дмитрей Михайловичь Пожарской печать *свою* приложилъ“ [1]). Но рядомъ съ отписками и окружными грамотами было необходимо выдавать и приказные документы, требовавшіе, такъ сказать, „государственной“, а не личной печати.

Въ стану подъ Ярославлемъ совершенно также, какъ за годъ передъ этимъ передъ Москвою, начинаетъ образовываться цѣлая система приказныхъ учрежденій [2]).

---

[1]) А. А. Э., т. II, № 204, стр. 259.

[2]) Въ ополченіи князя Пожарскаго уже въ Ярославлѣ были образованы Приказы по обычной московской схемѣ, при чемъ возникали они по мѣрѣ надобности и основные, и менѣе важные. Въ отпискѣ отъ 25 Іюля 1612 года находимъ: „...а отписку велѣли бы отдати въ Монастырьскомъ приказѣ Тимоѳею Ондреевичу *Витофтову* да дьяку Микитѣ *Дмитрееву*, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Писанъ въ Ярославлѣ, лѣта 7120 Іюля въ 25 день“ (А. А. Э., II, № 209, стр. 266, см. также А. Ю. Б., II, № 230, VIII отъ 12 Іюля 1612 г.) Въ грамотѣ отъ 4 Октября 1612 года, чтобы собравъ деньги „прислали къ намъ въ полки часа того, ратнымъ людемъ на жалованье, и велѣли отдати въ *Чети* дьякомъ Ондрею *Иванову* да Савѣ *Романчюкову*...“ (А. А. Э., II, № 213, стр. 272). Такимъ образомъ было время, когда функціонировали разомъ три, напримѣръ, Помѣстныхъ приказа: одинъ въ осажденной Москвѣ и по одному въ ополченіяхъ.

Весьма важно опредѣлить, какова была печать второго земскаго ополченія до того времени, когда князь Дмитрій Пожарскій сталъ въ „единачествѣ“ съ воеводою перваго ополченія—княземъ Трубецкимъ. Драгоцѣнное указаніе находимъ въ одной отпискѣ въ Галичь, „господину Тимоѳею Микифоровичю Безобразову“ отъ „бояръ и воеводъ и Дмитрея Пожарского съ товарыщи“. Документъ написанъ 15 Мая 1612 года въ Ярославлѣ. Для изданія подлинникъ былъ заимствованъ Археографической Коммиссіей „изъ Государственнаго Старыхъ Дѣлъ Архива, находящагося при Правительствующемъ Сенатѣ“ [1]).

Издатели отмѣтили, что актъ былъ сложенъ пакетомъ и „запечатанъ черною восковою, съ изображеніемъ одноглаваго орла, печатью.“

Фактъ первостепеннаго значенія. Значитъ второе ополченіе приняло ту же печать „земскую“, что была учреждена приговоромъ 30 Іюня 1611 года. Что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ это такъ и было, мы знаемъ навѣрное, но возникаетъ другой вопросъ. Разъ въ Маѣ-Іюлѣ 1612 года князь Трубецкой къ грамотамъ отъ своего правительства прикладывалъ „земскую“ печать 1611 года, значитъ ополченіе, во главѣ котораго стоялъ князь Пожарскій, имѣло другой экземпляръ, другую *матрицу* печати.

Второе ополченіе пришло подъ Москву 20-го Августа [2]), но „единачество“ было достигнуто лишь въ Октябрѣ. Важность общей печати и формулы, соединявшей главъ ополченій въ началѣ текста документовъ— была очевидна [3]). Рядъ дошедшихъ до насъ актовъ указываетъ, что такое соглашеніе было достигнуто.

Въ ввозной грамотѣ отъ 6 Октября 1612 года, выданной Роману Ближевскому „Московского государства отъ боярина и воеводъ отъ князя Дмитрея Тимоѳѣевича Трубецкого да отъ стольника отъ князя Дмитрея Михайловича Пожарского“ значится, что „къ сей грамотѣ бояринъ и воеводы князь Дмитрей Тимоѳеевичь Трубецкой да стольникъ князь Дмитрей Михайловичь Пожарской велѣли *земскую печать приложитъ*“ [4]).

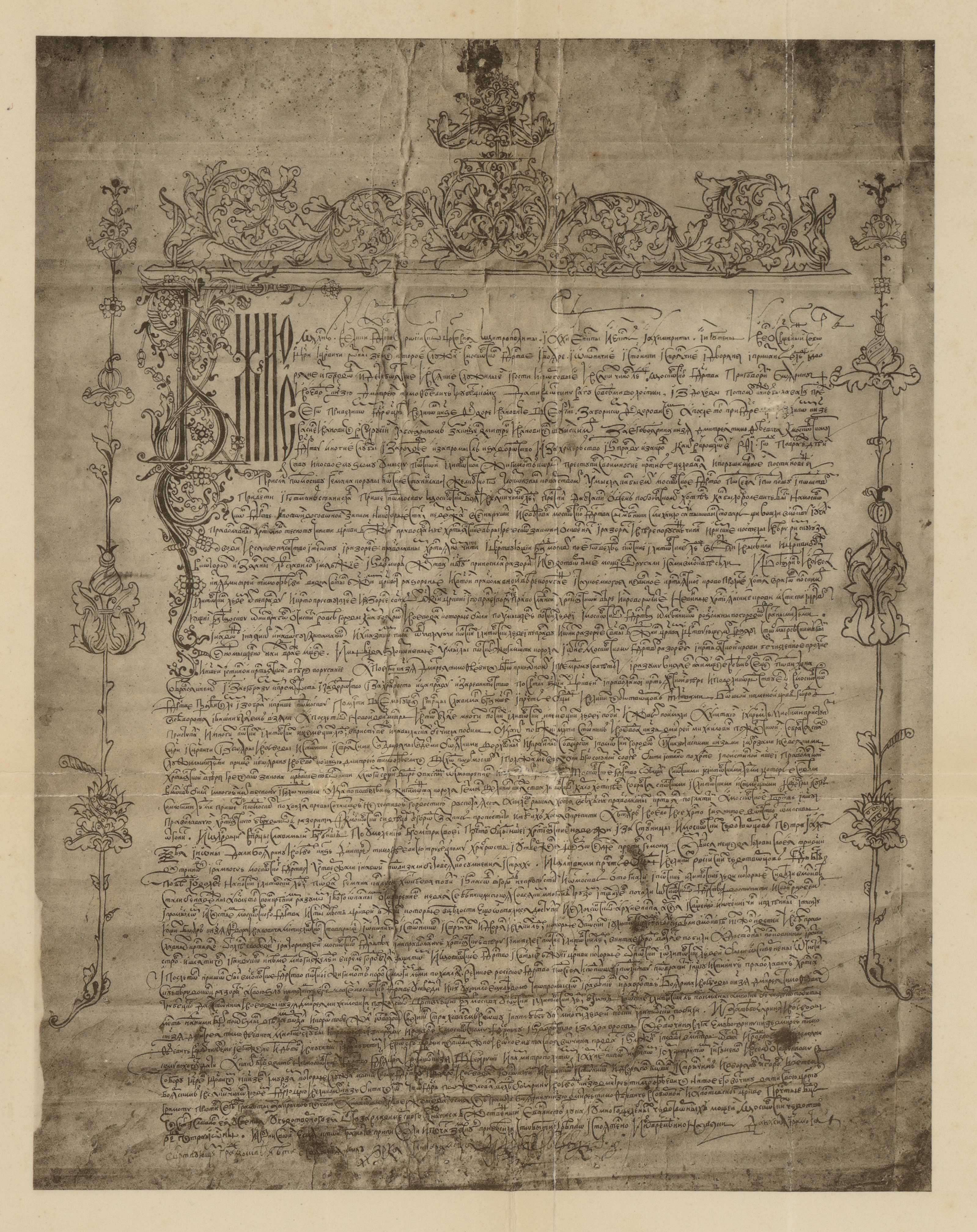
---

[1]) Акты Историческіе, т. II, стр. 336.

[2]) А. А. Э., II, № 213.

[3]) Приложеніе земской печати до послѣдняго времени имѣло особенное значеніе „укрѣпленія“. Отношеніе начальниковъ ратей было таково, что, извѣщая Бѣлоозеро о своемъ потомъ соединеніи „въ единачествѣ“, князья *Трубецкой* и *Пожарскій* всетаки упоминаютъ, „а которыя грамоты учнутъ приходити къ вамъ изъ насъ отъ кого нибудь отъ одного, и вы бъ тѣмъ грамотамъ не вѣрили...“ (А. А. Э., II, № 214 и 215.).

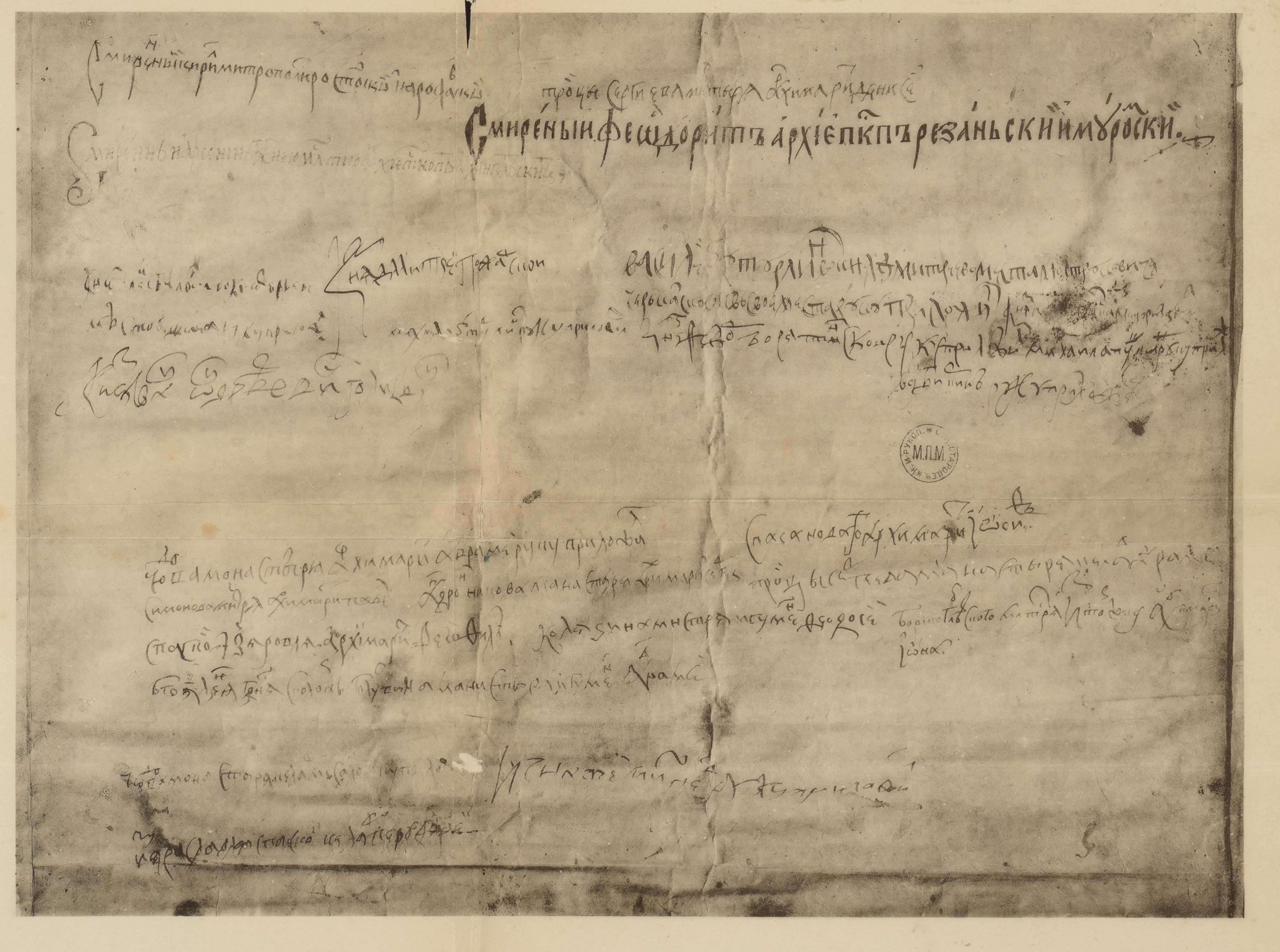
[4]) „Акты, представленные въ Разрядъ“ (изд. *А. И. Юшкова*), № 312 („Писанъ у Москвы въ полкехъ лѣта 7121-го Октября въ 6 день“).

Грамота 1613 г. духовныхъ и свѣтскихъ властей князю Д. Т. Трубецкому (уменьш.)

Фот. П. П. Павловъ.

1335-04

Оборотная сторона грамоты 1613 г. духовныхъ и свѣтскихъ властей князю Д. Т. Трубецкому (уменьш.)

Фот. П. П. Павлова.

Воеводы второго ополченія, несмотря на обычную оговорку, „а какъ дастъ Богъ на Московское государство государя и тогды велитъ ему государь на ту вотчину дать *свою царьскую грамоту за красною печатью*“, выдавали иногда и настоящія вотчинныя жалованныя грамоты по образцу царскихъ, при чемъ и печати иногда привѣшивали. Въ копіи подобная грамота очень поздней даты, а именно отъ 9 Февраля 1613 года, находится при родословной росписи Хрипковыхъ [1]).

Документъ составленъ примѣнительно къ извѣстнымъ и распространеннымъ грамотамъ царя Василія Шуйскаго за „осадное сидѣніе“. Начальная формула не сохранилась, но имѣющійся конецъ „...и дѣти боярскіе и всѣ ратные люди приговорили“ указываетъ, что грамота выдается въ формѣ общеземскаго приговора (вмѣсто обычной фразы „по совѣту всей земли“). Заключительная формула о печати однако таже, что и на другихъ грамотахъ междуцарствія.

„Къ сей грамотѣ бояринъ и воевода князь Дмитрей Тимоѳеевичь Трубецкой да стольникъ и воевода князь Дмитрей Михайловичь Пожарской велѣли земскую печать *приложить*. Писано на Москвѣ лѣта 7121-го февраля въ 9 день.“

Въ этой грамотѣ точно сказано, что печать приложена, но, какъ оказывается, этотъ терминъ иногда получалъ распространительное толкованіе. Въ послѣднее время С. А. Бѣлокуровъ издалъ [2]) грамоту жалованную на вотчину князю Ивану Хованскому отъ 31 Ноября 1612 года.

Начальная формула—отъ „Московскаго государства от боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофѣевича Трубецково да от стольника и воеводы отъ князя Дмитрея Михайловича Пожарсково с товарыщи.“

Оговорка, что будущій государь „свою царьскую грамоту за красною печатью“ дастъ—въ текстѣ находится. Заключеніе акта: „К сеі грамоте боярин и воевода княз Дмитрей Тимоѳѣевич Трубетцкой да стольникъ и воевода княз Дмитрей Михайловичь Пожарской велѣли *земскую* печать приложить.“

Однако при этой подлинной грамотѣ, выданной даже не по совѣту всей земли, а просто воеводами „съ товарыщи“ виситъ красновосковая вислая двухсторонняя печать на шнурѣ, свитомъ изъ красныхъ шелковыхъ и изъ золотыхъ нитей.

---

[1]) „Акты, представленные въ Разрядъ“ (изд. *А. И. Юшкова*), № 314.

[2]) *С. А. Бѣлокуровъ*: „Изъ собранія актовъ князей Хованскихъ“ (М. 1913. 8°). Отд. отт. изъ „Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“.

Такимъ образомъ, въ печати полное подражаніе печати государевой.

За неимѣніемъ оборотной стороны „земская" печать оттиснута дважды—и съ той, и съ другой стороны (см. *рис. 5*).

Рис. 5.

Хорошая сохранность печати позволяетъ прочесть всю круговую надпись:

велікіє россіскіє држвы московског[рѣа] печа:

Между правымъ крыломъ и туловищемъ орла буквы, одна надъ другою з/є, между лѣвымъ крыломъ и хвостомъ четыре буквы м||с||ка, за крыломъ у ободка буква л.

Начертаніе слова „земская"—въ высшей степени типично (напримѣръ, буква з) и позволяетъ установить два факта, имѣющіе, въ данномъ случаѣ, большое значеніе:

1) Обѣ стороны вислой печати оттиснуты, *повидимому*, одной и той же матрицей [1]).

2) Сравненіе сохранившихся экземпляровъ „земской" печати указываетъ на то, что печать перваго ополченія и печать второго—одна и таже.

3) Особой матрицы безъ круговой надписи не существовало.

Фактъ употребленія вислой, красновосковой печати воеводами, взявшими Москву, указываетъ, что эти „воеводы съ товарыщи", почувствовали себя настоящимъ правительствомъ и „возмнили".

Чрезвычайно любопытны грамоты, которыми наградилъ самихъ воеводъ „земскій приговоръ". Въ книгѣ „Ядро Россійской Исторіи" Манкіева сохранилось извѣстіе, что „князю Пожарскому за службу и очищеніе Москвы отъ всѣхъ государственныхъ чиновъ честь, боярство и великія вотчины изъ государевыхъ волостей даны, и на то жалованная

[1]) Почти невѣроятно предположеніе, что оттискъ сдѣланъ былъ дважды одной матрицей. Напрашивается предположеніе, что были употреблены два экземпляра печати, бывшіе въ рукахъ воеводъ перваго и второго ополченія, но поразительная, несвойственная эпохѣ, тожественность двухъ оттисковъ вызываетъ сомнѣніе.

грамота отъ всего государства, Бояръ руками подписанная, которую таkожде блаженныя памяти царь Михаилъ Ѳеодоровичь подтвердилъ“ [1]).

Матвѣй Спиридовъ въ трудѣ своемъ „Сокращенное описаніе службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ“ говоритъ: „Пожарскій получилъ отъ своихъ соотечественниковъ живѣйшіе и чистѣйшіе знаки благодарности и признательности, кои, признавая его орудіемъ Божія милосердія, назвали его своимъ избавителемъ и спасителемъ, а въ засвидѣтельствованіе сего всѣ власти и государственные чины согласно и единодушно приговоря пожаловать его въ бояре и дать ему изъ казенныхъ волостей отчины, вручили ему на сіе жалованную грамоту, духовными властями, боярами и другими чиновниками подписанную, что̀ все послѣ и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердилъ таковою же своею грамотою“ [2]).

Указанная Манкіевымъ и Спиридовымъ грамота не дошла до насъ *даже въ спискахъ*, что заставляетъ И. Е. Забѣлина высказать мнѣніе, что „нельзя вполнѣ довѣрять этому свидѣтельству, надо видѣть самую грамоту“. Возможно распространеніе путемъ устной передачи и неточныхъ разсказовъ дѣйствительнаго факта на другое лицо, но также возможно и то, что документъ, содержаніе котораго изложено историками XVIII столѣтія, существовалъ. Дѣло въ томъ, что до насъ дошла и при томъ въ подлинникѣ прелюбопытная грамота, выданная на имя князя Дмитрея Тимоѳеевича Трубецкаго.

Текстъ напечатанъ еще въ XVIII столѣтіи[3]). Подлинникъ находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

Актъ написанъ на листѣ пергамена съ чрезвычайной роскошью. (см. *табл. А.* и *табл. Б*). Вверху большая заставка, по бокамъ текста столбцы изъ травъ—все писано золотомъ. Богословіе и рядъ словъ въ текстѣ также написаны золотомъ. И вязь, и травы—все такъ хорошо, а для грамотъ междуцарствія такъ единично, что документъ заслуживаетъ воспроизведенія хотя бы въ уменьшенныхъ снимкахъ [4]), тѣмъ болѣе, что, по

---

[1]) „Ядро Россійской исторіи“, изд. 2. М. 1784. 8°, см. стр. 322.

[2]) *М. Спиридовъ*, l. c., ч. II, стр. 77.

[3]) Въ Древ. Росс. Вивл., I изд. ч. VII, II изд. ч. XV. Въ 1891 году перепечатано *В. К. Трутовскимъ* въ книгѣ „Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ“ (М. 1891. 8°), а затѣмъ *И. Е. Забѣлинымъ* при его трудѣ: „召Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время“ [См. изд. 4. (М. 1901. 8°), прил. 2] со свѣркою по подлиннику и съ подробнымъ описаніемъ оригинала.

[4]) Надъ такого рода украшеніями грамотъ работали выдающіеся „златописцы“ Посольскаго приказа. Теперь извѣстно, что грамоту утверженую на царство Михаила Ѳеодоровича Романова расписывалъ дьякъ Мина *Быковъ*. См. *И. Е. Забѣлинъ*: „Дополненія къ дворцовымъ разрядамъ“ и *А. А. Покровскій* „Печатный Московскій дворъ въ первой половинѣ XVII вѣка“ (Москва. 1913. 4°), стр. 57.

изученію такого палеографа, какъ И. Е. Забѣлинъ, вся грамота представляетъ автографъ знаменитаго дьяка Петра Третьякова[1]), въ чемъ впрочемъ мы лично весьма сомнѣваемся.

Конечно князь Трубецкой не могъ самъ наградить себя—потребовалось составить актъ въ формѣ земскаго приговора съ необходимымъ соблюденіемъ условія приговора 30 Іюня 1611 года—„о большихъ о земскихъ дѣлахъ у грамотъ быти рукѣ боярской."

---

[1]) Петръ Алексѣевичъ *Третьяковъ* обладалъ необыкновенною способностью вездѣ устраиваться и дѣлаться необходимымъ. Въ 1607 году въ Ноябрѣ онъ появляется въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній (см. Сб. И. Р. И. О., т. 137, стр. 424—425) простымъ подьячимъ Посольскаго Приказа, но въ дѣятельной роли—„съ рѣчами". Подъ 1608 годомъ хронографъ отмѣтилъ, что въ Тушино отъѣхалъ подъячій Посольскаго приказа Петръ Алексѣевъ сынъ *Третьяковъ* да съ нимъ два другихъ подъячихъ („Изборникъ", стр. 341 и „Разрядныя записи за Смутное время", изданныя *С. А. Бѣлокуровымъ*, стр. 276). У второго Лжедимитрія *П. А. Третьяковъ* дѣлается сразу дьякомъ думнымъ и играетъ видную роль. Мы уже видѣли, что послѣ Тушина въ качествѣ думнаго дьяка *Третьяковъ* управляетъ приказомъ въ первомъ ополченіи. Изъ ополченія перебѣгаетъ въ Москву и въ Москвѣ опять онъ на виду въ числѣ немногихъ думныхъ дьяковъ. Перелётъ во второе ополченіе удался лишь съ пониженіемъ. Петръ *Третьяковъ* именуется и дѣйствуетъ въ качествѣ простого дьяка, но съ прежнимъ вліяніемъ. Новоизбранный царь не только не лишаетъ довѣрія хитраго дѣльца, но вновь назначаетъ его въ Думу и дѣлаетъ Думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа. Этого мало—черезъ годъ, два Петръ Алексѣевичъ *Третьяковъ* управляетъ заразъ тремя Приказами. Какимъ образомъ въ шесть лѣтъ со времени перваго упоминанія въ актахъ простой подьячій могъ занять такое выдающееся положеніе въ государственномъ управленіи? Исходя изъ того факта, что *П. А. Третьяковъ* сходитъ съ исторической сцены въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, что и по занимаемымъ имъ мѣстамъ трудно предположить человѣка молодого, я, въ книгѣ „Разрядные дьяки XVI вѣка", сдѣлалъ предположеніе, что думный дьякъ *Третьяковъ* въ началѣ карьеры писался въ документахъ какъ нибудь иначе и началъ службу гораздо раньше мѣста подьячаго въ Посольскомъ приказѣ. Мнѣ казалось, что разрядный дьякъ Лжедимитрія I—Петръ *Лошаковъ*, исчезнувшій изъ приказовъ при Василіи Шуйскомъ, какъ сторонникъ самозванца, былъ сынъ Третьяка *Лошакова*, убитаго подъ Казанью. То есть, что Петръ Третьяковъ сынъ Лошаковъ=Петръ Алексѣевъ сынъ Третьяковъ. Конечно это только догадка, отъ которой, можетъ быть, придется отказаться. Въ настоящее время издана грамота, изъ которой видно, что дьякъ Петръ *Лошаковъ* сидѣлъ въ Разрядѣ и при *Шуйскомъ* 15 Декабря 1606 года („Памятники исторіи Нижегородскаго движенія...", Ниж. Новг. 1913. 8°, стр. 4). Отмѣченъ онъ младшимъ третьимъ дьякомъ и болѣе не упоминается. Не обидѣли ли его переводомъ въ подьячіи Посольскаго приказа (что и вызвало отъѣздъ)? Настаивать на такой гипотезѣ не станемъ. Прозвище *Третьякъ* такъ обычно (=третій сынъ), что съ родословіемъ разныхъ *Третьяковыхъ* всегда надо поступать съ крайней осторожностью. Въ актахъ найдемъ Курбата *Третьякова*, „сытника великаго князя" въ 1507 году (умеръ въ 1529 году, жена Ирина, сынъ *Постникъ*, см. Грам. Колл. Экон., Клинъ, № 5635/4 и 5633/2). Аѳанасій Кусъ да Назарей Митя Семеновы дѣти *Третьякова* являются Бѣлозерскими вотчинниками начала XVI столѣтія (Грам. Колл. Экон., по Бѣлоозеру, № 756). Въ 1590 (7098) году Вологодскими писцами были Алексѣй *Третьяковъ* и подьячій Алексѣй *Шапиловъ* (Грам. Колл. Экон., Вологда, № 2537/66).

Грамота начинается такъ: „Б(о)жиею милостію великихъ государствъ Російского царствия митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и цари и царевичи розныхъ земель, которое служатъ въ Московскомъ Государстве, и бояре, и околничие, и столники, и стряпчие, и дворяня, и приказные люді, и дворяне изъ городовъ, и дети боярские, и всякие служилые, и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люді Московского Государства, приговорили боярину и воеводе князю Дмитрею Тимоѳѣевичю Трубетцкому дати в вотчину Вагу со всѣми волостми и з доходы потому же, какъ была Вага преже сего при Великомъ Государе Царѣ и Великомъ князе Ѳедоре Ивановиче всеа Русіи за Борисомъ Ѳедоровичемъ, а послѣ того при Государе Царе и Великомъ Князе Василье Ивановиче всеа Русіи за бояриномъ за княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ Шуйскимъ....“.

Въ актѣ отмѣчается, что князь Трубецкой подъ Москвою „по великородству его“ (но также и за разумъ, премудрость, храбрость и правду) „изобранъ былъ“ „въ Московскомъ Государстве *Правителем*“ и подробно исчисляются всѣ подвиги, имъ совершенные.

Хотя въ грамотѣ и сдѣлана оговорка, что по избраніи Государя всему освященному собору и всѣхъ чиновъ людемъ *бить челомъ*, чтобы Государь пожаловалъ велѣлъ Боярину и Воеводе Князю Дмитрею Тимоѳѣевичю на тое его вотчину *дати свою царскую грамоту, противъ сеѣже грамоты за красною печатью*,“ но и самъ соборъ внушительно постановилъ: „А на болшое утверженіе дали есмя сеѣ грамоту боярину князю Дмитрею Тимоѳѣевичю в Соборной и Апостольской церкве Пречистые Богородицы честного и славного ея Успения у Чюдотворного Ея образа Владимерского, еже написа божественный Евангелистъ Лука, ї у многоцелебныхъ чюдотворныхъ мощей Московскихъ Чюдотворецъ Петра и Іоны. И руки свои есмя къ той грамоте приписали и *печать земскую привѣсили*, что[б] быти крѣпко і стоятелно и непремѣнно на веки“.

Другими чернилами прибавлено: „дана сия грамота в царствующем граде Москвѣ лѣта от созданія миру ҂ЗРКА (7121—1613) Генваря мѣсяца. Діакъ Петръ Третьяковъ.“

Иныя чернила послѣдней фразы намекаютъ, что грамота писалась и ея подписи собирались не одинъ день и Генварь мѣсяцъ показанъ какъ время завершенія дѣла. На оборотѣ подписи—митрополита (Кирилла), двухъ архіепископовъ, архимандрита Троице-Сергіева монастыря Діонисія, князя Дмитрія Пожарскаго, нѣсколькихъ воеводъ, архимандритовъ и игуменовъ. Между прочими руку приложилъ и Авраамій Палицынъ, но руки Кузьмы Минина нѣтъ.

По справедливому замѣчанію И. Е. Забѣлина подписали грамоту только духовенство и воеводы двухъ ополченій—„всей земли"—нѣтъ.

Новиковъ, издавая грамоту описалъ ея сфрагистическія укрѣпленія: „Къ сей грамотѣ привѣшены четыре восковыя печати на снурахъ, изъ коихъ на трехъ никакого изображенія нѣтъ, на четвертой же означенъ нагой человѣкъ, держащій въ правой рукѣ обнаженный мечъ, а въ лѣвой вѣсы. Съ правыя и лѣвыя стороны сего человѣка есть означеніи, но ихъ разобрать невозможно. Вкругъ всей печати греческая надпись, которую также разобрать невозможно" [1]).

Въ настоящее время ни одной печати у подлинника не сохранилось, но мы можемъ возстановить какія именно печати были привѣшены. Эти печати были—1) митрополита, 2 и 3) двухъ архіепископовъ, 4) земская красновосковая печать.

Та печать, которая описана въ Вивліоѳикѣ, несомнѣнно принадлежала — архіепископу *Архангельскому* [2]) Арсенію Елассонскому, извѣстному іерарху изъ грековъ. Вотъ почему на ней и была надпись на греческомъ языкѣ. Человѣческая фигура только отъ стертости казалась нагой, на самомъ дѣлѣ это былъ изображенъ архангелъ Страшнаго Суда.

Извѣстно, что дьякъ Петръ Третьяковъ скрѣпилъ утверженую грамоту избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, много потрудился онъ и надъ грамотой князю Трубецкому, которая по тону и изложенію тоже „грамота утверженая". Но, увы, въ Ноябрѣ того же 1613 года Вага значится опять принадлежащей къ числу Дворцовыхъ владѣній [3]).

По выводу, сдѣланному И. Е. Забѣлинымъ, князь Трубецкой самъ себя наградилъ до съѣзда Земскаго собора [4]) и остается лишь неизвѣстнымъ, кто вмѣнилъ въ небытіе пышную грамоту—бояре ли, руководившіе юнымъ царемъ, или самъ Земскій Соборъ, избравшій царя. Не колеблясь присоединяемся къ первому предположенію [5]). Чтобы объяснить

---

[1]) Описаніе заканчивается указаніемъ: „Подлинная грамота хранится у его сіятельства Князя Петра Никитича *Трубецкаго*".

[2]) Не по городу Архангельску, а по Московскому Архангельскому Собору. См. А. И., т. II, стр. 422: „Да на Москвѣ же безотступно живетъ у царьскихъ гробовъ, у *Архангела,* Архіепископъ Еласунскій, изъ Грекъ, и служитъ завсегда по родителѣхъ Государьскихъ".

[3]) А. И., т. III, № 3, стр. 2. Грамота о доставленіи доходовъ съ Важскихъ волостей въ Устюжскую Четь, въ которой отписку отдавать „думному дьяку Петру Третьякову".

[4]) *Забѣлинъ*, l. c., стр. 114—115.

[5]) Въ извѣстномъ „земляномъ спискѣ", изданномъ *А. П. Барсуковымъ* (Чтенія М. О. И. и Д. Р., 1895., кн. I) еще значится при имени князя *Д. Т. Трубецкого* „Да за нимъ же городъ Вага съ волостями". Разборъ этого извѣстія см. ниже.

выводъ И. Е. Забѣлина—надо припомнить, что до самаго окончанія Земскаго Собора князья Трубецкой и Пожарскій стояли во главѣ правительства, опираясь на преданныя имъ группы людей. На Земскій Соборъ правители могли оказывать нѣкоторое давленіе. Хотя самъ Соборъ и рѣшалъ многія и важныя дѣла, но главы ополченія сохраняли свои полномочія. Къ нимъ обращалось населеніе и отъ ихъ имени шли всѣ распоряженія.

Недавно изданъ весьма любопытный антиминсъ (гравированный) 1612 года съ указаніемъ, что онъ освященъ 9 Апрѣля лѣта 7120 „при державѣ благовѣрныхъ и христолюбивыхъ князей россійскія державы“ [1]).

Среди рукописей собранія графа Ѳ. А. Толстого [2]) находится Евангеліе (I, 154), при которомъ въ послѣсловіи сказано, что писано оно „при благовѣрномъ князѣ Дмитріѣ Тимоѳіевичѣ Трубецкомъ и при его державѣ...“.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича игуменъ Спасо-Прилуцкаго монастыря въ оффиціальномъ документѣ указывалъ, что монастырь былъ „жалованъ“ отъ князя Д. М. Пожарскаго.

Проф. Д. В. Цвѣтаевъ въ изслѣдованіи „Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство“ [3]) признаетъ грамоту, выданную князю Трубецкому, первымъ по времени документомъ дѣятельности собора (стр. 15) и высказываетъ мысль, что пожалованіемъ соборъ откупался— „чувствуется, что кандидатура [4]) Трубецкого снята“ (стр. 36).

Однако составъ и количество подписей позволяютъ усомниться въ вѣрности вывода Д. В. Цвѣтаева. Судя по тону грамоты соборъ долженъ былъ бы укрѣпить ее систематичнѣе и болѣе позаботиться, чтобы „быти (*ей*) крѣпко и стоятельно и непремѣнно на веки“. Неужели юный царь нарушилъ бы такъ ясно выраженную волю всей земли и при томъ немедленно по воцареніи. Самый текстъ документа представляетъ такое восхваленіе личности и дѣятельности князя Трубецкого всѣмъ соборомъ, что отъ грамоты вѣетъ не снятіемъ кандидатуры, а скорѣе рекламированіемъ достойнѣйшаго, уже на дѣлѣ проявившаго себя кандидата. Подписи духовенства и воеводъ ополченія могли быть собраны и до засѣданій собора.

„Земляной списокъ“ 1613 года, по которому новое правительство провѣряло боярское землевладѣніе, относительно князя Дмитрія Тимоѳе-

---

[1]) Архимандритъ *Арсеній*: „Печатный антиминсъ 1612 года“ (Москва. 1914. 4⁰), оттискъ изъ „Древностей“, т. XXV.

[2]) *К. Калайдовичъ и П. Строевъ*: „Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ... графа Ѳ. А. Толстова“ (М. 1825. 8⁰).

[3]) Москва. 1913. 8⁰.

[4]) То есть отпала кандидатура избранія на царство.

евича Трубецкого показываетъ слѣдующее: „...да новые дачи, *что дано подъ Москвою*, въ Стародубѣ Вотцкомъ, да на Резани да въ Мещерѣ 12596 четьи. И обоего за нимъ старыхъ и новыхъ земель 15685 четьи. Да за нимъ же въ Муромѣ Замотренская волость, а четвертная пашня въ ней невѣдома, сыскать не по чему. Да за нимъ же городъ Вага съ волостями" [1]).

Показаніе лаконическое, но, по видимому, точно отмѣчающее два момента—какъ князь Трубецкой „подъ Москвою" многократно умножилъ свои владѣнія, а за тѣмъ уже въ Москвѣ получилъ многія волости и городъ.

„Земляной списокъ" различаетъ пожалованія — „подъ Москвою", „при боярехъ" и „какъ Москву взяли" „въ нынѣшнемъ въ 121 году" [2]). Почти всѣ „бояре", подписавшіе грамоту князю Трубецкому и сами жалованы были „при боярехъ".

Нѣкоторыя неумѣренныя награжденія были исправлены еще до составленія „земляного списка".

Такъ напримѣръ:

1) „Михайло Матвѣевъ сынъ Бутурлинъ [3]). Помѣстья за нимъ стараго въ Серпейску 150 чети; да новые дачи, что ему дано *при боярехъ*, на Костромѣ въ Колдомской волости 854 чети, да на Резани изъ дворцовыхъ селъ помѣстья и вотчины 3474 чети. Окладъ его 800 чети. Да ему жъ дано было на Резани городокъ Сапожокъ, а въ немъ земель 8000. *И городокъ Сапожокъ отписанъ на государя.*"

Въ одномъ Сапожкѣ было десять окладовъ—награда немалая!

2) „Матвѣй Ивановъ сынъ Колодкинъ-Плещеевъ. Вотчины за нимъ старые 257 чети да помѣстья на Костромѣ стараго 266 чети. А и съ вотчиною 523 чети. Да Матвѣю же Плещееву *дали подъ Москвою бояре* въ Ростовскомъ уѣздѣ села Великаго приселокъ село Плещеево съ деревнями по Тушинской дачѣ, а назвалъ своею старинною вотчиною, а

[1]) Чтенія М. О. И. и Д. Р. за 1895 г., кн. I, стр. 1.

[2]) О пересмотрѣ всѣхъ пожалованій „при боярехъ" при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, см. *Л. М. Сухотинъ*: „Четвертчики Смутнаго времени (1604—1617)", М. 1912. 8⁰, введенія стр. XXIV и слѣд. Извѣстно, что помѣстья жаловалъ и гетманъ *Жолкевскій*, распоряжались и бояре въ Москвѣ. *Салтыковъ* въ письмѣ къ Льву *Сапѣгѣ* оправдывался въ самоуправствѣ, увѣряя, что и „...прежъ сего, при прежнихъ государѣхъ великихъ царѣхъ, *коли они въ отъѣздѣ бывали*, безъ нихъ, государей, на Москвѣ *бояре помѣстья давали*...". См. подробно въ введеніи въ книгѣ *Л. М. Сухотина*: „Земельныя пожалованія въ Московскомъ государствѣ при царѣ Владиславѣ, 1610—1611 г.г." М. 1911. 8⁰. (Чт. М. О. И. и Д. Р., 1911 годъ, кн. 4). Рѣдчайшую ввозную грамоту за подписью *Жолкевскаго* (сохранилась въ подлинникѣ), см. ibidem, стр. 88—89.

[3]) Одинъ изъ подписавшихъ грамоту *кн. Трубецкому*.

въ Ростовскихъ писцовыхъ книгахъ князя Василья Туренина написано—села Великаго приселокъ село Плещеево съ деревнями, что была вотчина князя Ивана княжъ Петрова сына Охлябинина, а въ ней 686 чети. *Да за нимъ же былъ посадъ Нерехта и отписанъ на Государя*" [1]). Нерехта, должно быть, дана была уже не подъ Москвою—а послѣ—„за Московское очищеніе".

Вообще изъ „земляного списка" видно, что князь Трубецкой въ наградахъ „за Московское очищеніе" былъ далеко не одинокъ и нѣкоторыя лица, получившія немного—это пожалованіе удержали и при новомъ правительствѣ [2]).

Упоминается и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской: „...да новые дачи, что ему *дали бояре и всею землею, какъ Москву взяли*, въ Суздалѣ вотчины изъ дворцовыхъ селъ 1600 четьи да помѣстья 900 чети, и обоего вотчины и помѣстья новые дачи 2500 чети...". Эти двѣ съ половиною тысячи четей главному дѣятелю, избранному „землею", представляютъ контрастъ съ громадными дачами не только князя Трубецкого, но и такого второстепеннаго воеводы, какъ Михайло Бутурлинъ.

Точное указаніе, что награду князю Пожарскому „дали бояре и всею землею, *какъ Москву взяли*," даетъ намъ и настоящую дату грамоты князю Трубецкому.

Боярское жалованье „за Московское очищенье" въ отношеніи князя Пожарскаго было утверждено новымъ государемъ. Въ самый день государева вѣнчанья на царство (11 Іюля) стольнику князю Дмитрію Пожарскому было сказано боярство, а черезъ нѣкоторое время выдана грамота жалованная, утверждавшая жалованье „бояръ и всей земли".

Всѣ пожеланія начальника второго ополченія были удовлетворены, но если у него и была пышная боярская грамота въ типѣ грамоты князю Трубецкому, то весьма понятно, что онъ не особенно хранилъ ее. Скорѣе надо удивлятъся, что грамота князю Трубецкому, можетъ быть, оказавшая вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу, сохранилась. Нельзя не радоваться, что такой интереснѣйшій для русской дипломатики памятникъ мы имѣемъ въ подлинникѣ.

Сентябрь 1914 г.

---

[1]) Былъ награжденъ еще Миронъ *Вельяминовъ* городкомъ Песочней да Черной Слободой, съ указаніемъ, что тутъ всего 200 четей. „Земляной списокъ" подчеркиваетъ, что на самомъ дѣлѣ въ городкѣ и слободѣ 900 четей. Вѣроятно и эта награда была убавлена!

[2]) Напримѣръ, князь Василій *Ромодановскій*, Василій *Третьяковъ*, князь Богданъ *Долгорукой*, Григорій *Плещеевъ*, Алексѣй *Собакинъ* и т. д. Впрочемъ измѣненія могли быть сдѣланы, какъ это и было съ княземъ *Трубецкимъ*, и послѣ составленія „земляного списка".

